

Шэнь Ижун начал целовать с невероятной серьёзностью, тщательно исследуя каждый чувствительный участок во рту партнёра, но постепенно его движения становились всё грубее.

Недавно открытая рана у корня языка снова начала кровоточить, и нежный поцелуй под его руководством превратился в яростные укусы и глубокие сосания. Шэнь Ижун тяжело дышал, его лоб терся о шею Ци Яня, а голос звучал хрипло, но притягательно:

— Давай сделаем это в машине, хорошо?

Ци Янь, полностью захваченный страстью, не смог вымолвить ни слова. Оттолкнув Шэнь Ижуна, он направил машину на самую глухую дорогу поблизости. Вокруг царилась тьма, и тишина была настолько густой, что слышно было бы падение иголки.

Учитывая ранение Шэнь Ижуна, Ци Янь откинул спинку сиденья, позволив ему полулежать, раненую руку положив в сторону. Ци Янь, опытный в делах любовных, естественно, держал в машине смазку и презервативы.

В тесном пространстве автомобиля Шэнь Ижун не мог позволить себе широких движений, но, поскольку это была его инициатива, он полностью подчинился указаниям Ци Яня, принимая любую позу, которую тот предлагал.

Смазки было слишком много, и она оставила жирный блеск на внутренней стороне бёдер, который под светом салонного плафона выглядел отнюдь не соблазнительно. Ци Янь, полностью поглощённый страстью, начал пальцами готовить Шэнь Ижуна, а затем, после трёх пальцев, направил свой член к его отверстию, медленно, но с силой войдя внутрь.

Тело Шэнь Ижуна сжалось от вторжения, но это не было больно. Он никогда не боялся боли — его пугало то оцепенение, которое вызывала эта сладостная мука. Его самая чувствительная часть была захвачена другим мужчиной, и Шэнь Ижун, чтобы углубить проникновение, провёл рукой по копчику Ци Яня, скользя вверх и вниз.

Пот стекал со лба Ци Яня на грудь Шэнь Ижуна. Внутри машины было душно, окна были закрыты, а горячий воздух, смешанный с запахом пота и семени, бешено будоражил их нервы.

Ци Янь, не в силах терпеть, схватил Шэнь Ижуна за талию и с силой вошёл в него. Шэнь Ижун не хотел кричать от боли, но не сдерживался, когда накатывало наслаждение. Он полностью обмяк на сиденье, его длинные ноги обвилились вокруг талии Ци Яня, а бёдра активно двигались в такт. Не раненой рукой он стимулировал себя, издавая один за другим тихие стоны.

В глубине души Шэнь Ижун не понимал, почему сделал такой странный запрос. Лунный свет лился чистый, но в городе уже не было видно звёзд. За окном небо было чёрным, как чернила, но луна всё ещё сияла, словно могла осветить всю Млечную Путь.

В конце концов, люди, как и животные, инстинктивно жаждут, чтобы наслаждение затмило страдание. В душевной сумятице, будучи яростно проникнутым другим мужчиной, он находил в этом бесстыдном и свободном от моральных оков сексе мощное удовольствие, которое позволяло забыть всё прошлое, оставляя лишь мимолётное, но полное счастье.

Шэнь Ижуну нравилось, как их тела сплетались, нижние части плотно прижимались друг к другу в самом примитивном ритме, в самом пронзительном движении. Казалось, это слияние было лекарством, спасающим от боли в невзгодах, — горьким, но действенным.

Смешанное с болью и наслаждением чувство нахлынуло на Шэнь Ижуна. Он сжал бока Ци Яня, расслабив тело и подчиняясь каждому его толчку. Воздух был наполнен густой страстью, и двое яростно двигались в поисках удовлетворения.

Наслаждение накапливалось, становясь всё насыщеннее и непрерывнее, словно бесконечным, заполняя все пустоты внутри. Шэнь Ижун, закатив глаза, громко застонал, и даже после оргазма его внутренности продолжали сокращаться, а живот был залит белыми потоками.

Это странное ощущение щекотки и наполненности заставило Шэнь Ижуна едва не заплакать. Он хотел что-то сказать, но его голос прозвучал так хрипло, что он сам испугался.

Слеза неожиданно скатилась по его щеке, медленно стекая по контуру лица и попадая в рот, солёная и горькая.

— Сегодня я извиняюсь...

1.

После оргазма тело и разум оставались невероятно чувствительными. Когда Ци Янь извлёк свой член, он услышал извинения Шэнь Ижуна. Ему и думать не надо было, чтобы понять, что это «извини» относилось не к жестокости, проявленной ранее к тому мальчику, а к неконтролируемой панике, охватившей его днём на стрельбище.

Ци Янь хотел сказать, что не сердится, но слова застряли в горле, потому что Шэнь Ижун уже плакал...

Это был не истерический плач, а тихий, словно его жестоко обидели, но он не смел выразить это открыто. Слезы катились одна за другой, и в глазах Ци Яня это превращалось в смятение и тревогу.

— Я... я же не сказал, что сержусь... — Ци Янь подумал, как взрослый мужчина может плакать так, что сердце разрывается. Тем более после секса, когда они оба были полураздеты, а их тела покрыты лёгким румянцем после страсти.

Это выглядело так, словно он изнасиловал Шэнь Ижуна, этого несчастного мальчика, который теперь плакал в оцепенении. Ци Янь поспешил вернуть сиденье в исходное положение и наклонился, чтобы поцеловать его глаза.

— Родной, как ты можешь так плакать? Ты сводишь меня с ума...

Вкус слёз был горьким, и Ци Янь легонько лизнул уголок глаза Шэнь Ижуна. Тому стало щекотно, и он слегка оттолкнул Ци Яня. Он и сам не понимал, почему плакал, и не мог совладать с этой внезапной эмоцией. Возможно, наслаждение длилось слишком долго, затронув самое сокровенное его желание и боль.

— Могу я тебе кое-что сказать? — Шэнь Ижун взял лицо Ци Яня в ладони и тихо спросил:

— Ты слушаешь?

Ци Янь ничего не сказал, лишь молча кивнул.

2.

— Ци Янь, если бы однажды твой самый доверенный друг предал тебя, и ты потерял бы компанию, сотрудников... Что бы ты сделал? — Шэнь Ижун не осмеливался смотреть на него, переводя взгляд на чёрное небо за окном.

— Я бы начал всё заново, — ответил Ци Янь, доставая из бардачка пачку сигарет и наспех закуривая одну.

— Но если вера в жизнь потеряна, можно ли начать заново? — продолжил Шэнь Ижун. Уличные фонари за окном светили ярко, в ночи они казались слепящими. Шэнь Ижун широко раскрыл глаза, словно борясь с самим собой, и даже если свет резал глаза, он не отводил взгляд.

Некоторые воспоминания были намеренно погребены в бездне, подобно этому чёрному небосводу, словно прошлое было лишь сном. Он потерял несбыточную мечту и веру, которая поддерживала его годами. В лучшие годы своей юности он учился искусству убивать драконов, и по жизненному плану после ухода из армии должен был стать полицейским спецназовцем. Но всё это превратилось в пустой мираж, небо рухнуло.

Ци Янь курил, не зная, что ответить. Его жизнь была слишком гладкой, и он не понимал, что такое потеря и боль, и что значит вера в жизнь.

— Вера — это просто обман для молодых. Когда тебе будет за тридцать, как мне, ты перестанешь думать о жизненных убеждениях, — Ци Янь открыл окно, докурив сигарету и, обернувшись, улыбнулся Шэнь Ижуну. — Или, может, вера — это птица, которая чувствует свет

во тьме перед рассветом и поёт.

Конечно, это не его слова — гордая и своевольная жизнь действительно не нуждается в вере. Но, вероятно, в молодости каждому нужен ориентир, и Шэнь Ижуну сейчас требовалось утешение в виде красивой фразы.

3.

Прошло уже почти два месяца с тех пор, как провал совершенно секретной миссии привёл к ранению командира, неделе в карцере и исключению из рядов вооружённых сил. Шэнь Ижун в смятении думал, умерла ли его птица веры.

Иначе что он должен делать сейчас? Тратить деньги Ци Яня, наслаждаться всем, что тот даёт, развлекаться с ним, заниматься сексом... Такая жизнь была слишком комфортной, но бессмысленной, как блюдо без соли, которое выглядит аппетитно, но на вкус пресное.

Шэнь Ижун вдруг осознал, насколько он опустился. Все его мечты переплелись, а затем разрушились, и только сейчас он понял, что это был сон. Он ничем не отличался от тех мужчин и женщин, что окружали Ци Яня, — делал то же самое.

Он отчётливо понимал, что творит, но закрывал глаза, думая: «А ведь это неплохо...»

«Разве ты хотел такой жизни?» — голос в его голове напоминал, что так нельзя продолжать, даже если он наслаждается нежностью Ци Яня, погружаясь в его крепкие объятия, он должен остановиться.

4.

<http://bllate.org/book/15570/1385909>